

...ЕСТЬ ЕЩЕ ШПАГИ!

РЕПОРТАЖ

«...Кроме того, — сказал Д'Артаньян, никогда не терявший хладнокровия, — у нас имеются шпаги, которыми мы — я и мой друг — недурно владем».

Нечто подобное вертелось у меня в голове, когда я шел на встречу с Александром Водопьяновым — актером Горьковского ТЮЗа, преподавателем сценического фехтования Горьковского театрального училища, постановщиком большинства боев на сцене местных театров. (Кстати, он же играл Портоса в тюзовском спектакле «Три мушкетера»)

Что такое сценическое фехтование? Чем отличается оно от боевого и спортивного? Как ставится бой? Честно говоря, ответ казался очевидным: бой на сцене — красивое зрелище, «нас возвышающий обман». Должны, вероятно, существовать специальные сценические приемы для создания иллюзии смертельной схватки — о них-то я и собирался спрашивать «учителя фехтования».

Отвечал А. Водопьянов так:

— Главное в сценическом фехтовании — правда. Актер должен драться так, будто оружие боевое. «Понарошку» здесь только сама смерть, все остальное — взаправду. Чтобы зритель поверил в бой, в него должен верить актер — и драться всерьез.

— Как в спортивном бою?

— Ничего подобного. Как в боевом.

— А в чем разница?

Он вручает мне саблю и ставит в позицию (разговор происходит в зале движения театрального училища). Поворот кисти — и его клинок, перекрестив через гарду, «достаёт» мой локоть.

— Чтобы спортивный судья зафиксировал удар, достаточно такого касания. А в настоящем бою так противника не убьешь. Нужен настоящий удар, а значит, все движение будет другое.

У сценического боя — свои премудрости. Есть техника

безопасности: реквизитная шпага все равно — оружие, ошибаться здесь нельзя. Есть чистая техника боя: как держать оружие (разное — по-разному), как брать защиту, как ставить ноги, как...

Тут многое дает спорт. Мой собеседник, например, в годы учебы в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии занимался рапирой (имеет второй разряд). А прежде был шофером и занимался в студии Мурманского театра, где и приобрел к сценическому фехтованию.

Есть еще и требования собственно театральные: вместить бой в пространство сцены, порой довольно тесное, подчинить его требованиям костюма, декорации, наконец — главное! — режиссерскому замыслу. Ведь фехтование — не отдельный номер, а момент целостного произведения, и часто кульминационный.

Подкованный теоретически — рука у меня еще гудит — направляюсь вслед за маэстро в другой зал. IV курс кукольного отделения готовится здесь к зачету. Зачет начинается так: студентка несет экзаменаторам на стол программу зачета, по дороге на нее нападают двое, в бой втягивается весь курс. Последний «живой» участник побоища доставляет программу, шагая через горы «трупов».

Этюд студенты сочиняют сами, один из них создается у меня на глазах. В зал вбегают трое: на девушку нападают двое ребят. Она вскакивает на стол, отбивается плащом и шпагой. Водопьянов недоволен: «Что ж ты сзади стоишь и не бьешься? Ты ее что, жалешь?»

Вот она — обусловленность каждого движения ситуацией боя: «эффективный» ход оказался нелогичен, а значит, по убеждению Водопьянова, несценичен. Но это не главное: учитель требует, чтобы ему объяснили, из-за чего дерутся, кто дерется,

зачем дерется. Только тогда можно решить, как надо драться. Сражаются не шпаги, а люди, характеры. Исходя из них надо строить этюд.

Ребята сели, задумались. Увидели в углу зала бутылочную колбасу. Эврика! Бой из-за колбасы — разумнее, фарсовый. Кажется, даже оружие становится другим. Ну что это, скажите на милость, за шпага, удар которой отражают... колбасой! Романтический плащ превращается в скатерть, которую хозяйка пресловутой колбасы в критический момент срывает со стола и набрасывает на голову одному из «жуликов».

Впрочем, смех смехом, а психологическая оправданность каждого выпада остается строго обязательной. Как, например, Ира Зубарева оказалась около стола? Противник вооружен, он не даст схватить скатерть. Вот как: отступая, Ира споткнулась о табурет. Пинком его — в ноги противнику — и к столу. Пробуют. Юра Заяц очень натурально падает. Оказалось — не успел отреагировать, сбит с ног на самом деле. Еще идея: вспрыгнуть на движущийся табурет. Долго отработываю — не выходит. Но скатерть все-таки схвачена «логично».

Занятие продолжается.

— Ксан Ксаньч, может, я в правую руку возьму?

— Правая у тебя ранена.

Все — взаправду.

Александр Водопьянов позывает, как надо драться. Сам он в цивильном костюме — пиджак, «вололазка», — а мне кажется, я вижу его Портоса — в камзоле с перевязью, в шляпе с плюмажем, в ботфортах. Помните песенку мушкетеров из полюбившегося всем горьковчанам спектакля?

Бывает, герою хватает отваги,

Отваги хватает — нет шпаг, как назло!

А нам повезло — у нас есть еще шпаги,

Есть еще шпаги — нам повезло!

Е. ХАЕВ.